

19.12.95

Поляков Юрий

Юрий ПОЛЯКОВ:

Вс. келес. - 1995. - 1996. - с. 7.

Клубные встречи

В заповедные времена всенародного почитания Литературы

с ее "толстыми" журналами и эпатажными рефлексам самым популярным молодежным изданием являлась, несомненно, "Юность".

В шестидесятые годы факелом отдела прозы журнала был Василий Аксенов.

К началу семидесятых "звездный билет" перехватил, пожалуй, Борис Васильев.

В восьмидесятые выпалил залпом нашумевших повестей Юрий Поляков: "ЧП районного масштаба", "Сто дней до приказа", "Апофегей"... Ну вы помните.

Только что в журнале "Смена" (N 24) начал печататься новый роман Ю. Полякова "Козленок в молоке" — о литературных нравах.

ром отношении к ним и Пьещуха, и Веллера, и Виктора Ерофеева. Меня в продаже нет, хотя книг за последний год у меня вышло больше, чем у них.

— **Что до апатии критики: может быть, здесь дело и в том, что ты как бы на отшибе магистральных литературных "направлений"?**

— Совершенно верно. С самого начала я принципиально был, что называется, одиноким волком.

— **А может, тебя просто не звали? Не было чувства отверженности?**

— Напротив: меня почему-то любили и левые, и правые. Но я уходил в сторону, потому что меня всегда коробила командная психология. Когда, скажем, говорят: "Пригов — крупный мыслитель и феноменальный поэт", и команда берет под козырек. А если я считаю, что Пригов — это Осип Брик нашего времени? То есть человек, не лишенный интеллектуального шарма, но беспомощный как художник.

— **Ладно, Пригов. Но есть группы, которые тебе созвучны?**

— Есть писатели, которые мне симпатичны. Но не бригады. Может, потому, что я рано стал профессионалом: в двадцать пять лет — первая книжка, в двадцать шесть меня приняли в Союз писателей. Мне не нужно было пробиваться в стае.

— **Насколько я помню, ты был самым молодым членом СП в СССР.**

— Один из трех "самых".

— **...И будто бы попал в Союз писателей по разнарядке ЦК ВЛКСМ?**

— Легкое мифологическое передегеривание. По "разнарядке" комсомола у меня вышла первая книжка стихов. Не только у меня, но и у других авторов, отмеченных на совещании молодых писателей. То, что комсомол помог мне издать первую книжку, это факт.

— **Помню мировоззренческий афоризм одного из знаковых комсомольцев: решает не система ценностей, а система отношений.**

— Ко мне относились хорошо. Я был секретарем комсомольской организации Союза писателей. Один из моих предшественников на этом посту, кстати, Евгений Евтушенко. Как видишь, преемственность у нас, секретарей, была здоровая.

обоняния — и мановение державной десницы может сокрушить тебя, как букашку? Грубо говоря, лишит видов на будущее.

— С Феликсом Кузнецовым у нас были весьма официальные, достаточно прохладные отношения. Квартиру мне он долго не давал... Нормальное отношение я зарабатывал нормальной работой.

— **Не ощущал ли некоей раздвоенности: художник-активист в одном лице?**

— Абсолютно нет. Ощущение "тайной свободы" было всегда. Когда пришло время, у меня, бегавшего, как шавка, по Цэдэзлу "деятели", оказались в столе книги. А не у тех, кто болтал о литературе до утра в цэдэзовских же буфетах.

— **Юра, не было желания "тайную свободу" перекалфицировать в явную? Ты притворялся негибимым или ломал себя? Помню, меня, одного из первых читателей рукописи тех же "Ста дней до приказа", куда как озадачила непосредственность, раскованность текста вроде бы застегнутого на все пуговицы функционера.**

— Свидетельство того, что свободу в себе я не только "носил", но и воплощал.

— **Тебя комсомол лелеял, а ты ему плюнул в морду. Имею в виду, конечно, повесть и фильм "ЧП" районного масштаба". Прилично ли это?**

— Почему "плюнул"? Это были нормальные неглупые люди, которые прочитать о реальном комсомоле хотели не меньше, нежели беспартийные. Ведь читали же партийки под одеялом "Архипелаг ГУЛАГ". Наша сегодняшняя драма не в том, что многие партократы стали демократами. А в том, что худшие партократы — демократы.

— **С появлением в "Юности" первых повестей ты стал популярен. Приятнее стало жить? Девушки больше любили?**

— Ощущения человека, проснувшегося знаменитым, конечно, имели место. Но я настолько оказался закручен в делах: пошлоск экранизации, инсценировки... времени было настолько в обрез, что, честно говоря, вкушать прелести существования молодого известного писателя особенно не успел. Потом, я рано женился, в двадцать лет, и к тому времени, как и по сей день, продолжал быть женатым. Не в пример другим "баловням судьбы" — жен на переправе не менял. Это тоже создавало определенные проблемы с полноценной дегустацией плодов известности.

— **Когда ты начинал, у тебя были литературные ориентиры?**

— Меня всегда грела лирико-ироническая проза — Булгаков, Ильф и Петров... Из гигантов — Гоголь.

— **Тогда такой вопрос: в твоих повестях много любви, о которой сказать, что тут доминирует лирика, было бы преувеличением. Скорее некий симбиоз Николая Островского и маркиза де Сада. Не компенсация ли это каких-то нереализованных амбиций в отношении нежного пола?**

— Думаю, тебя сбива с толку скандальная сцена "мордой в фарш" в фильме "ЧП" районного масштаба". В книге этого нет, как и в сценарии, — импровизация режиссера... В повестях, видимо, была установка на возвращение здорового эротического начала в противовес ханжеским опусам. Мои персонажи, если помнишь, придумывают себе эротический лексикон, опираясь на советизмы. Тогда это было смешно.

— **Ты считаешь, что про любовь нужно "смешно"? Скажи: что для тебя женщина? В идеале. (Затяжная безответная пауза. — В.Г.). Я тебя поставил в тупик?**

— Я представил сужающиеся зрачки моей жены при чтении этого текста. Посему предпочитаю промолчать.

— **Изменился статут литературы. Не смущает, что сейчас место ее в чаяниях народных где-то между камерной музыкой и разведением пчел?**

— Если завтра литературу вообще вычеркнут из числа "обязательных предметов" и переведут на факультатив, я буду писать, как и писал. Я не из тех, кто забегал в литературу с холода, а когда потеплело — выскочил обратно.

— **В отличие от многих ты по-прежнему весь в литературе. Скажи, если бы ты оказался перед выбором: абсолютное удовлетворение материальных потребностей, но вне писательского занятия, или — пиши, но в драных портах... Только честно.**

— По советским меркам я был очень обеспеченным человеком. Тем не менее регулярно выдавал продукцию на-гора. Что до "порток", то, продолжая писать, я тебя уверяю, нашел бы возможность заработать и на фирменных джинсах.

— **Ты не идеалист?**

— Упаси Боже.

Беседовал Виктор ГАЛАНТЕР.
Фото Виктора СМОЛЯНИНОВА.

В продаже меня нет. И жен я на переправе не менял

— Юра, тебя когда ни спросишь, как дела, ты всегда даже "не так себе", а "в полном порядке". Ты в самом деле в перманентном порядке или это такой американизированный прикладной оптимизм?

— На самом деле, конечно, не всегда в порядке. Много было жизненных поворотов, когда очень хотелось пожаловаться. Но, видимо, воспитанный с детства бойцовский кураж не позволял этого сделать. Я вырос в рабочей семье, в заводском общежитии, где не принято было ныть. Разве что когда, скажем, на восьмой день запоя человеком овладевала вселенская скорбь и он ходил по комнатам общаги поделиться наболевшим. Я быстро понял, что, плачась, ты напоминаешь организм, ослабленный осенней слякотью, который каждый микроб норовит уесть. Так что, думаю, умение "держат лицо" вполне интернационально и вырабатывается необходимостью рассчитывать только на себя. Уже в достаточно зрелом возрасте после 91-го года я оказался в непростой ситуации как человек, откровенно оппозиционный режиму...

— **?! И режим заметил твою оппозицию? Честно говоря, заявление как-то не вяжется с образом писателя, для которого ирония — фирменное тавро.**

— Предостерегать от хищнического варианта реформ я начал где-то году в 89-м. Между прочим, неолыбшевиками нынешнюю власть назвал именно я. Вспомни мою статью "Оппозиция умерла, да здравствует оппозиция", из-за которой в октябре 93-го чуть не закрыли "Комсомолку".

— **Улавливаю здесь подернутую плесенью народническую дребедень о писателе как трибуне, чья священная миссия "предостерегать" и направлять на путь истинный. Или это издержки педагогического образования?**

— Все эти разговоры об аполитичности писателя — бредни социальных импотентов: меня не интересуют женщины,

ну и что? Что в этом дурного? — Ты не находишь, что "социальная проблематика" все же удел газеты, а не художественной прозы?

— В момент написания вещи социальный момент, естественно, доминирует. Можно назвать его конъюнктурным, как угодно. Я написал в 80-м году "Сто дней до приказа", в 87-м напечатал: меня обозвали конъюнктурщиком. Ничего себе конъюнктура — семь лет в столе пролежала!

— **Все же, согласись, социально ориентированные "тематические" вещи быстро стареют. Скажем, если бы те же "Сто дней" напечатать сегодня... Это тебя не смущает?**

— А тебя не смущает социальный запал "Анны Карениной" или "Воскресения"?

— **Если я и перечитаю сейчас "Анну Каренину", то не затем, чтобы поспе-реживать перипетиям балканской войны.**

— Бездарным может быть как злободневное произведение, так и глубоко асоциальное. Если работа талантлива, то, конечно, со временем "конъюнктурность" уходит на второй план: становится микроретроспекцией, потом ретроспекцией. Если вещь серьезная, то просто меняются планы — книга живет.

— **По отношению к своей прозе ты бы взял на себя смелость судить, насколько она серьезна?**

— Поскольку критика обо мне доброго слова не говорила и не скажет, скажу о себе сам. Критика обожает писателей, чью необходимость читателям нужно долго объяснять. А когда автор сам доказывает свою нужность, то у критики возникает комплекс: а на хрена я тогда нужна?

— **В какой степени твои тиражи соотносятся с твоими пробивными способностями?**

— Издатели сами на меня выходят. И не ошибаются. Ты давно заходил в книжный магазин? Увидишь там при всем моем доб-

— Тебя эта комсомольская фигня действительно трогала или это чисто карьерные дела?

— Я по натуре человек общественный. Был и остался. Это у нас семейное. Разумеется, мой общественный задор мог бы найтись выход, к примеру, в диссидентстве. Но антигосударственность диссидентства, его подрывной характер под видом правдоискательства были мне чужды всегда. Когда мне активно предлагали напечатать за границей "Сто дней", я сказал: только здесь.

— **Из государственных соображений?**

— Не буду кривить душой, считал так: если существует определенный порядок вещей, если по законам государства, где я живу, этого делать нельзя, значит, нельзя.

— **В комсомоле надо было блефовать. Наивным тебя не назовешь. Значит, оставалось только врать сознательно?**

— Были определенные правила игры. Нельзя было подниматься на собраниях и сказать: Брежнев еле волочит ноги и т.д. Но, извини меня, если ты сегодня на собрании лояльных Президенту сил скажешь, сам понимаешь что, то вылетит из этих структур с тем же треском. Ну собирались на собрания, читали стихи, выпивали. Любили к нам захаживать ребята из горкома, из ЦК — расслабиться с богемой...

— **Напивались по ранжиру?**

— То есть?

— Ну секретаря с секретарями, инструкторы с инструкторами?

— А ты думаешь, сейчас помощник Президента выпивает здесь у вас на Пушкинской в "Зеленом огоньке" с таксистами?

— **Ты, комсомольский секретарь, редактор газеты "Московский литератор", функциональное звено Системы, не боялся ненароком поколебать хрупкие иерархические конструкции? Скажем, вселить сомнения в вождя московских писателей Феликса Кузнецова. Не трепетало сердце оттого, что одно нечетное движение, интонация, минутная потеря**